

Достигнув стадии Зарождающейся Души, практик обретает безграничную уверенность и колоссальную ментальную силу, позволяющую ему повелевать силами природы. С этого момента странствия его духа в великой пустоте и воспарение к бескрайним Небесам Дало становятся лишь вопросом времени.

Что же такого узрел в своих пророчествах Цзян Чангэ, если даже столь могущественный мастер впал в глубокое смятение?

Цзян Сяочжоу вновь лихорадочно прокрутил в голове сюжет оригинального романа. Нет, вплоть до конца ученических испытаний никаких масштабных потрясений случиться не должно. Секта Меча Лянъи в этой истории — глухая провинция, даже на стартовую локацию для новичков толком не тянет. Настоящий перелом наступит позже, когда во время нашествия демонов один из их повелителей насильно вырвет у главного героя кость меча.

Но до этого кошмара оставалось ещё немало времени, да и сама секта Лянъи к той роковой развязке отношения не имела.

На миг Сяочжоу вспомнил о старейшине Мин И. Будь загадочный затворник на месте, за судьбу обители можно было бы не переживать — его сил с лихвой хватило бы, чтобы отвести любую беду.

С этими тревожными мыслями юноша незаметно погрузился в тяжелый, беспокойный сон.

Наступило утро финального дня испытаний. Вокруг Арены Боевых Искусств задолго до полудня стянулась толпа учеников, горевших нетерпением увидеть появление Старшего брата.

Первым вызов бросил вчерашний мечник из внутренних покоев, вооруженный массивным клинком. Солнце медленно поднималось к зениту, и на лице соперника всё отчетливее проступало раздражение.

— И сколько нам ещё ждать? Наш великий Старший брат вообще соизволит явиться?

— Раньше его хоть и избивали до полусмерти, он хотя бы не трусил выходить. А теперь...

— Да испугался он, что тут думать!

По толпе прокатился гул пересудов, когда на дорожке наконец показался лениво покачивающийся Цзян Сяочжоу, на руках у которого дремал пушистый Сяо Бай.

Стоявший на арене мечник презрительно сощурился и крикнул на всю площадь:

— Это ещё что за чучело у тебя в руках? Наше испытание призвано выявить истинное мастерство, а не всякие грязные трюки!

Сяочжоу снисходительно улыбнулся и приподнял сонного волчонка:

— Обычный детеныш духовного зверя. Неужели младший брат Чжао Нань умудрился испугаться даже такой крохи?

Чжао Нань от неожиданности поперхнулся встречной колкостью и опешил. Тем временем Сяочжоу опустил волчонка на траву, легонько подтолкнув в сторону Байли Фэна, и не спеша направился к помосту.

Высота Арены Боевых Искусств составляла добрый чжан — любой мало-мальски подготовленный ученик взлетел бы туда одним прыжком. Однако Сяочжоу под улюлюканье толпы демонстративно прошествовал к деревянной лестнице и начал чинно, ступенька за ступенькой, подниматься наверх.

Уязвленный давешней насмешкой Чжао Нань издевательски расхохотался:

— Ох и тяжело же дается нашему Старшему брату этот подъем! Ты уж смотри, не оступись ненароком, а то лететь высоко.

Правила поединка были просты: поражение засчитывалось в случае добровольной сдачи либо если один из противников оказывался за пределами площадки.

Разумеется, существовал и строгий регламент: бойцам позволялось демонстрировать любые грани своего личного мастерства, однако под жестким запретом находились любые укрепляющие пилюли, активируемые в критический момент артефакты защиты и прирученные звери. Всё должно было решиться в честном противостоянии.

Наконец преодолев последнюю ступень, Сяочжоу вынул из ножен свой вычурный меч — классическое оружие среднего ранга, созданное скорее для красоты, нежели для реальной сечи. Опустив острие к полу, он принял базовую стойку стиля Линсинь.

В мире практиков оружие четко делилось по качеству: от простейших обиходных клинков до низших, средних и высших артефактов. Вершиной же кузнечного искусства считалось духовное оружие — редчайшие реликвии, обретшие собственную душу. Способные резонировать с волей хозяина, такие мечи наделяли своего владельца поистине сокрушительной мощью. Но у Сяочжоу, разумеется, была обычная блестящая игрушка.

Сами артефакты не ограничивались мечами — в ход шли веера, боевые шесты, печати, котлы и стяги. Любой предмет, способный пропускать сквозь себя духовную энергию, мог стать грозным оружием в умелых руках. Мастера-оружейники ценились на вес золота, ведь разница

между обычным клинком и одушевленным духовным клинком была столь велика, что исход их столкновения был предрешен заранее.

— Мишура нарядная, — процедил Чжао Нань, со звоном обнажая свой грубый тяжелый клинок низшего ранга.

Оружие соперника покрывали многочисленные зазубрины и сколы — явный след изнурительных тренировок. Огрубевшие ладони противника, покрытые мозолями, и едва уловимое колебание воздуха вокруг него выдавали человека, посвятившего всю свою жизнь суровому ремеслу войны.

Впрочем, Чжао Нань едва перешагнул стадию Открытия Света. Сравнивать их с Сяочжоу было всё равно что сопоставлять несмышленого малыша со старшеклассником, если бы не одно «но»: они сошлись в искусстве владения мечом, в котором «старшеклассник» Сяочжоу не смыслил абсолютно ничего. Единственным залогом победы для него оставалось прямое доминирование за счет разницы в уровнях развития.

Аккуратно проведя пальцами по шербатовой стали, Чжао Нань с гордостью произнес:

— Мой клинок зовется Цинмин. Сто тридцать цзиней чистого веса. Девять лет назад Палата Сокровищ сама признала меня его хозяином.

Сяочжоу небрежно крутанул рукоять, описывая в воздухе сверкающую дугу:

— А мой — Чжоугун. Вес без понятия, на весы не клал.

— Моё оружие пробуждается лишь ради достойных противников, — высокомерно процедил Чжао Нань, смерив оппонента холодным взглядом. — По-хорошему, мне следовало бы скрестить клинки со старшим братом Чжоу Ци. Так что советую тебе, Старший брат, сдаться прямо сейчас. Жалости не жди. Я не чета прочим подхалимам и не стану поддаваться только потому, что твой отец правит этой сектой.

— Слишком много болтовни, — отрезал Сяочжоу и рванулся вперед.

Ночной разговор с отцом оставил в его душе неприятный осадок. Сяочжоу впервые по-настоящему осознал собственную слабость, и это уязвимое положение раздражало его. Будь он силен так же, как старейшина Мин И, любое грядущее бедствие казалось бы лишь очередной мелкой неприятностью. Но реальность отрезвляла. Если даже великий мастер Зарождающейся Души, подобный Цзян Чангэ, бессилен перед неведомым роком, то что может изменить он сам?

И пусть он досконально помнил сюжет первоисточника, книга описывала мир исключительно глазами Чжоу Ци. О том, что творилось за кулисами повествования и происходило без ведома главного героя, Сяочжоу не имел ни малейшего представления.

Знание грядущих событий сыграло с ним злую шутку, породив опасную лень. Зачем лезть из кожи вон, если судьба этого мира все равно предрешена и полностью завязана на Чжоу Ци? Вся вселенная крутится вокруг одного избранного, а прочие — лишь безликие декорации.

Клинки сошлись. Сталь застонала, оглашая арену пронзительным, режущим слух звоном.

— Прими удар! — взревел Чжао Нань, обрушивая накопленную ярость на соперника. Духовная энергия хлынула в его тяжелое оружие мощным приливом. Меч окутало тусклое изумрудное сияние, и на Сяочжоу навалилась удушающая аура.

Сяочжоу и не думал тягаться с детиной в грубой силе. Превосходство в развитии давало ему главное преимущество — филигранный контроль над потоками энергии. Не владея истинной сутью меча, он отчетливо видел каждую шероховатость и заминку в циркуляции духовных сил оппонента.

Чжао Нань яростно наступал, его напор казался неостановимым.

«Стремительный шаг уходящей осени»...

Припав к самой земле, Сяочжоу плавным движением увел сокрушительный выпад в сторону и мгновенно перешел в контратаку. В воздухе материализовались сотни багряных кленов, сотканных из чистой духовной силы, и плотным вихрем устремились на Чжао Наня. Понимая опасность, мечник закружился юлой, выстраивая вокруг себя непроницаемую стену из тяжелых ударов.

— Детские игрушки! Меня этим не взять! — взревел Чжао Нань из центра бури.

Сяочжоу лишь хладнокровно сплел пальцы в сложную печать. Прямо перед его грудью вспыхнул золотистый бутон Пламени Сердца Лотоса.

— Вспыхни, — тихо скомандовал юноша, посылая сгусток огня вперед.

Столкновение с парящими багряными листьями заставило пламя мгновенно поглотить их, и превратиться в ревущий огненный шторм, который запер мечника в кольцо.

— Я же сказал: бесполезно! — Чжао Нань совершил яростный взмах, и волна сжатого воздуха буквально прорубила просеку в бушующем пламени.

— Неужели? — Сяочжоу застыл у самого края помоста, бесстрастно наблюдая за беснующимся противником.

— Какого черта?! — Лицо Чжао Наня внезапно исказилось от ужаса. Он попытался сделать

новый выпад, но его духовные каналы оказались абсолютно сухи. Энергия испарилась без остатка!

Пламя Сердца Лотоса обладало коварной особенностью: при должном мастерстве оно выжигало чужую духовную силу прямо из меридианов жертвы. За минувшее десятилетие, под суровым надзором Мин И и вопреки собственной лени, Сяочжоу всё же не тратил время даром, доведя этот прием до совершенства.

Лишившись внутренней поддержки, Чжао Нань, однако, не сдался. С налитыми кровью глазами он ринулся к сопернику, волоча за собой тяжеленный клинок:

— Думаешь, я без магии не подниму свое оружие?! Получай!

Исключительно силой собственных мышц он вскинул стотридцатифунтовую махину над головой. Сяочжоу прищурился и, задействовав духовную энергию, едва успел защититься проверенным приемом «Серп серебряной луны». Но самое поразительное произошло мгновением позже: на грани полного истощения сил в отчаянном рывке Чжао Наня внезапно зародилась подлинная, чистая воля меча!

Парируя тяжелые, рубящие удары, Сяочжоу с горечью подумал: «Настоящий гений клинка... И ведь в романе ему не досталось даже захудалого упоминания в сноске!»

— Какое забавное зрелище! Молодежь нынче пошла на редкость способная, — благосклонно заметил один из старейшин Секты Ушедшей Обиды. — Ваш сын демонстрирует удивительный контроль над потоками энергии и превосходно читает бой. Но и его соперник не промах — сумел перехватить инициативу, лишившись всякой духовной поддержки. Из него выйдет великий воин.

Цзян Чангэ сдержанно кивнул, соблюдая приличия:

— Мальчишке просто повезло проявить упрямство. Истинной опорой нашей области всегда были и остаются ученики вашей уважаемой обители. Именно им суждено ковать будущее Баолина.

— Полно вам скромничать! Пока у вас подрастают такие таланты, как Чжоу Ци, влияние вашей секты будет лишь расти.

Услышав свое имя, Чжоу Ци с трудом оторвал застывший взгляд от сражающегося на арене Сяочжоу. На его благообразном лице расцвела безупречная, кроткая улыбка. Перед чужаками он неизменно разыгрывал роль послушного и скромного ученика. С должным почтением поклонившись гостям, он негромко произнес:

— Всё благодаря мудрому руководству моего учителя. Слава о деяниях уважаемых старейшин

летит впереди вас, и для меня огромная честь стоять рядом. Надеюсь, в будущем вы не откажете глупому младшему в наставлении.

Столь тонкая лесть мгновенно растопила сердца старых мастеров, заставив их довольно заулыбаться.

Чжоу Ци вежливо склонил голову и вновь прильнул взглядом к фигуре Сяочжоу. Подобные редкие мгновения позволяли ему смотреть на Старшего брата открыто, не опасаясь лишних вопросов и косых взглядов. Он не ведал, какая муха укусила Сяочжоу и заставила его драться всерьез, но отчетливо видел — сегодня Старший брат не намерен уступать.

От волнения у Чжоу Ци перехватило дыхание. Он переживал за исход этой схватки сильнее, чем за собственные поединки. Как же Сяочжоу одолеет противника, обретшего в шаге от бездны истинную волю меча? Сердце Чжоу Ци забилось в бешеном ритме предвкушения.

Однако разница в таланте была непреодолима. Поняв, что тягаться в ближнем бою бессмысленно, Сяочжоу без колебаний разжал пальцы. Прекрасный клинок со звоном полетел на доски, а сам юноша смазанным силуэтом ушел с траектории очередного яростного выпада.

Окружающие пораженно ахнули. Чжао Нань же побагровел от гнева. Для фанатичного адепта, ставившего путь меча превыше собственной жизни, подобный жест казался верхом кощунства и трусости. Меч — это душа воина, бросить его — значит предать себя!

— Жалкий трус! — проревел оскорбленный мечник. — Ты недостойн носить имя мастера меча!

Сяочжоу даже ухом не повел. Они изначально шли слишком разными дорогами, чтобы он тратил время на оправдания перед чужаком и пытался соответствовать его фанатичным идеалам.

— А теперь лети! — Сяочжоу резко взмахнул рукой, и у самой груди соперника распустился ослепительный, ревущий бутон Пламени Сердца Лотоса. Ударная волна колоссальной силы приподняла тяжелого воина над настилом и швырнула его далеко за пределы арены.

Толпа в испуге хлынула в стороны, когда грузное тело Чжао Наня с грохотом рухнуло на утопанную землю. По его плечам все еще лениво вились всполохи янтарного огня, источавшие столь плотное давление, что у зевак перехватило дыхание.

Одиночка по натуре, заносчивый и колючий Чжао Нань никогда не пользовался любовью среди сверстников. Он бредил одной лишь идеей — превзойти Чжоу Ци, а всех прочих считал никчемной пылью под ногами. Разумеется, до уровня главного гения секты ему было бесконечно далеко, поэтому большинство за глаза посмеивалось над его амбициями. И все же никто не мог отрицать очевидного: этот упрямый безумец превосходил по силе едва ли не каждого во внутренних покоях.

Свидетелями его зародившейся воли клинка только что стали сотни людей. И этого монстра... в несколько мгновений сокрушил Цзян Сяочжоу? Окружающие потрясенно молчали.

В отличие от растерянной толпы, Чжоу Ци в миг триумфа Сяочжоу почувствовал, как по его венам разливается обжигающий, сладкий огонь. Все его естество содрогнулось от неистового восторга.

Перед его внутренним взором возник призрак из далекого детства: туманное раннее утро, и Старший брат, возвышающийся над ним на ступенях обители. Ветер трепал полы его белоснежных одеяний, а во взгляде читалось легкое, величественное безразличие.

«Да... Вот он, мой истинный Старший брат!»

Сладкая дрожь, похожая на разряд молнии, пронзила разум. Собственная духовная энергия Чжоу Ци забурлила в меридианах, откликаясь на этот неистовый триумф. Мысли бились в едином ритме: «Только он достоин стоять на вершине!»

Все прочие мастера, какими бы великими силами они ни обладали, оставались для него обычными смертными. Но Сяочжоу всегда стоял особняком.

Спустя долгие десять лет Чжоу Ци вновь ощутил себя тем испуганным, жалким оборвышем, замершим перед сияющим в лунном свете божеством. В его душе воскресла безумная смесь из жгучей зависти, благоговения и темного, невысказанного вождения.

В этот миг туман рассеялся, и Чжоу Ци наконец обрел истину. Цзян Сяочжоу с самого первого дня был его единственным ориентиром, тем самым первым шагом на великом пути к бессмертию.

<http://bllate.org/book/20178/2132604>